
А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ ЩЕДРОСТИ ПРАВИТЕЛЯ НА ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ

В настоящей работе речь пойдет о хвалебных характеристиках правителей, которые могут применяться к самым разным лицам, воспроизводятся на протяжении нескольких столетий и обладают способностью мигрировать из одной культурно-языковой традиции в другую. Мы будем называть эти характеристики формулами в силу их устойчивости и воспроизводимости, однако нужно оговориться сразу, что речь пойдет о формулах особого рода, далеко не во всем сходных с традиционными фольклорными и эпическими формулами или, например, с формулами юридических документов.

Мы предполагаем рассмотреть группу формул, которые в Средние века встречаются как у скандинавов, так и у русских. В них в различных комбинациях используются концепты 'щедрости' (прежде всего, к дружине, к войску) и отплаты за эту щедрость, 'стяжания / нестяжания движимого имущества', 'золота' ('серебра', 'драгоценных тканей'), 'еды' ('угощения'). Упоминание скандинавского материала для нас сейчас совсем не случайно. Теснота скандинаво-русских контактов в X–XII вв. как будто бы не вызывает сомнений. Вместе с тем, как это ни парадоксально, при обилии археологических свидетельств мы можем обнаружить далеко не так много лингвистических, а тем более «литературных» следов этого взаимодействия. Так, в письменных памятниках зафиксировано довольно мало сюжетов, о которых мы могли бы сказать, что они заимствованы скандинавами у русских или русскими у скандинавов, да и в этом не очень обширном списке нет практически ни одного примера, который не вызывал бы ожесточенных споров у историков культуры. Разумеется, если бы на таком фоне удалось показать, что та или иная риторическая формула была заимствована одной из этих традиций у другой, в определенной степени это повлияло бы на наши представления о скандинаво-русских контактах.

Какого же рода устойчивые микротексты мы имеем в виду?

Начнем с русского материала. О новгородском князе Мстиславе Ростиславиче, например, говорится, что он «любезнивь на дружиноу и имѣния не щадашеть и не сбирашеть злата ни сребра но дашаше дружинѣ своеси»¹. О его родном брате, Давыде, сказано: «...злата и сребра не собираеть но даеть дружинѣ бе бо любя дружину»². Их далекий предок, Мстислав Тмутараканский, описывается так: «любаше дружину по велику а имѣния не щадаше ни питья ни гдениа не бранаше»³. В уста его отца, крестителя Руси, Владимира Святого, вкладываются всем хорошо памятные слова: «...тако серебром и злато^м не има^м налѣсти дружины а дружиною налѣзу сребро и злато такоже дѣдъ мои и шѣъ мои доискаса дружиною злата и сребра бѣ бо Володимеръ любя дружину»⁴.

Формула эта представлена многими вариантами. Структурно среди них можно выделить тип антитезы, когда любовь и щедрость князя противопоставлялись его небрежению, равнодушию к имуществу, и, так сказать, присоединительные двучленные конструкции, где говорилось, например, что правитель равно щедр на дорогие дары и на угощения для дружины.

Как видно хотя бы из рассказа о князе Владимире, такие формулы могли соседствовать с родственными им, формульными же описаниями того, как дружина оплачивает своему князю за его щедрость, добывая для вождя все больше золота. Предполагается, что далее следует такой экономический круговорот, когда князь в награду им еще больше раздает, а воины — еще больше добывают.

В определенном смысле равнодушие к золоту ради щедрости к дружине оказывается своеобразной родовой характеристикой Рюриковичей. При этом, конечно, далеко не каждый князь ее заслуживал. С известной долей условности можно сказать, что эта формула обозначала некие качества, которые были присущи всему роду в целом, но проявлялись, манифестировались и подчеркивались лишь для определенных его представителей. Более того, иногда применялся прием трансформации этой формулы, когда неудачность того или иного предприятия или чьего-либо правления в целом подчеркивалась тем, что князь, вопреки родовой

---

¹ См.: ПСРЛ. М., 2001. Т. II. Стб. 610–611.

² Там же. Стб. 703.

³ См.: ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Стб. 150; Т. II. Стб. 138.

⁴ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 126 под 996 г.

традиции, собирал богатства и кичился ими вместо того, чтобы проявлять щедрость к своим воинам, или попросту слишком надеялся на золото, не вкладывая его в приобретение сторонников своевременно.

Так, знаменитый рассказ о Святославе Ярославиче, сыне Ярослава Мудрого, и посетивших его немецких послах является в контексте летописи своего рода антипанегириком, построенным на рассказе о его прадеде — Святославе Игоревиче⁵. Послы произносят над скопленными князем сокровищами обличительную речь, представляющую собой не что иное как инверсию нашей формулы: «В се же лѣто придоша сли из нѣмец къ Сѣтославу Сѣтослав же, величаша показа имъ бѣтѣство свое и ни же видѣвше, бещисленое множество злато и сребро и паволоки и рѣша се ни въ чтоже кѣсть се бо лежить мертво сего суть кметѣ луче мужи бо са доищють и болше сего»⁶.

Отчасти из-за таких трансформаций, отчасти благодаря тому, что панегирические формулы были хорошо известны, у нас есть и еще один способ их репрезентации, когда формула представлена в измененном виде или не полностью. Разумеется, встречаясь с подобного рода осколками, далеко не всегда можно точно определить — есть ли здесь наши формулы или нет. Приведем пока лишь один, относительно достоверный пример.

Так, Изяслав Ярославич († 1078 г.) в борьбе за Киев бежит к полякам «со имѣниемъ многимъ и съ женою оуповаѣ бѣтѣствомъ многимъ глѣ тако симъ налѣзу воѣ еже вѣаша оу него Лахове показаша ему путь ѿ себе»⁷. В данном случае действия и речи Изяслава описываются как прямое нарушение родового формульного правила, выдвинутого его дедом Владимиром — «такъ сребром и злато^и не има^и налѣсти дружины а дружиною налѣзу сребро и злато такоже дѣдъ мои и шѣъ мои доискаса дружиною злата и сребра». «Осколки» помельче присутствуют, по нашему мнению, и в летописных текстах, где речь идет о Игоре Рюриковиче, Ярославе Мудром, Святославе Ярославиче, Всеволоде Ярославиче и Святополке Изяславиче. Однако все они нуждаются в более пространном комментарии.

---

⁵ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 435–439.

⁶ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 198–199.

⁷ См.: ПВЛ. Т. I. Стб. 173.

Панегирическая характеристика такого рода применялась в летописи по отношению к Рюриковичам столь регулярно, что Д.С. Лихачев в своем комментарии к Повести временных лет назвал ее «любимой идеей русского летописца»⁸. Между тем, есть основания полагать, что идея эта и, что еще более существенно, двучленная формула, в которой эта идея манифестирована, — исходно варяжского, скандинавского происхождения. В Скандинавии подобная конструкция надежно фиксируется уже в X в. Достаточно вспомнить своеобразный диалог двух поэтов — Эйвинда Погубителя Скальдов, воспевающего конунга Норвегии Хакона Доброго, и самого этого конунга Хакона, также не чуждого стихосложению. Эйвинд говорит, что его конунг «милостив к дружине, а не к золоту»⁹. Хакон же так отзывается о своих дружинниках, наблюдая за ними в битве: «мои люди хорошо отплачивают мне [за розданное им] золото и изукрашенное оружие (копья)»¹⁰.

Мы хотели бы подчеркнуть, что в скальдической поэзии и, в частности, в интересующих нас строках Эйвинда Погубителя Скальдов «милостив к войску, а не к золоту» (*gumnum holtr ne gulli*), реализуется не только похвала щедрости конунгу как таковая, но и, так сказать, следующая ступень риторической организации, когда эта похвала облекается в относительно четкую и регулярно воспроизводимую двучленную структуру. Действительно, в этих строках с формальной точки зрения присутствует противопоставление: правитель к дружине милостив, а к золоту — нет. Благодаря этой антитезе вся фраза приобретает легко узнаваемый формульный облик. С другой стороны, по содержанию это высказывание принадлежит к числу собственно панегирических характеристик, в тексте оно нередко соседствует и легко «склеивается» с двучленными конструкциями, антитезу не содержащими, с традиционной похвалой щедрости знатного человека на угощение, на еду. В качестве примера такой похвалы без противопоставления можно упомянуть, например, ру-

⁸ Там же. С. 296.

⁹ См.: Heimskringla / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1893—1900/1901. В. 1–4 (SUGNL, 23). В. I. Bls. 215. В переводе О.А. Смирницкой: «К войску, а не к золоту // Милостив, властитель // Пляса Христ советом // Хвастуна наставил» (*Сноппи Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 84*).

¹⁰ Uæl launa mer mínir menn... hodd oc rekna brodda (*Finnur Jónsson. Den norsk-islandske Skjaldedigtning. В (Rettet tekst). København, 1973. В. I–II (перп. издания 1912–1915 гг.). В. I. Bls. 54; ср. также: Fagrskinna. Nóregis kononga tal / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1902–1903 (SUGNL, 30). Bls. 40*).

ническую надпись XII в., выполненную на кости какого-то животного, надо полагать, съеденного во время пира: «Конунг — самый щедрый на еду, он — самый богатый, он исполнен милостей»¹¹.

Эти поэтические высказывания отнюдь не единичны, по сути дела — это одна из самых распространенных формул, характеризующих в Скандинавии не только правителя целой державы, но и любого стоящего предводителя войска, вождя своей дружины. Зарождается она, по-видимому, в недрах поэтического языка и особенно обильно представлена у скальдов. Приведем еще один, особенно пышный образчик такого рода: «Щедрый на сокровища князь войска, который обогащает наконечники копий, радуется дружинников золотыми кольцами; вождь заставляет мужей восхищаться дарами. Деятельный конунг Норвегии обильно воздает норвежцам; щедр истребитель англоv. Олав рожден под солнцем»¹².

Очень часто в скальдической поэзии мы можем наблюдать игру или своего рода переключку двух родственных формульных моделей — формулы щедрости и формулы отплаты за щедрость, причем оценка того и другого отнюдь не всегда оказывается хвалебной. Так, скальд конца XI — начала XII в., обращаясь к конунгу, задает ему вопрос: «Как твои великолепные, красноречивые на тингах отплачивают (*launa*) тебе за драгоценные дары? Каркасы кораблей содрогаются, [влекомые] течением на запад, — испытай нас, князь!»¹³. Ответом служит стихотворная строфа могущественного норвежского правителя: «Моим богатством (*auð*), которое я роздал многорадостным моим мужам, я распорядился скверно (*illa folginn*)...»¹⁴.

---

¹¹ *kunukr iaR matr bestr han a f mest han iaR þekili* (*Gustavson H., Snedal Th., Åhlén M.* Runfyn 1989 och 1990 // *Fornvännen.* 1992. B. 87. S. 165–167. Fig. 19–20; *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М., 2001 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 320).

¹² *Herþengill gleðr hringum // hoddörr – sás rýðr odda – // bekkisagnir – lætr bragna // bragningr gjöfum fagna – // Norðmönnum gefir nenninn // Nóregs konungr stórum // örr es Engla þverrir. Óláfr borinn sólu* (*Morkinskinna / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1932. (SUGNL, 53). Bls. 296; cp.: Finnur Jónsson. Den norsk-islandske Skjaldedigtning. Bls. 382. № 15).*

¹³ *Hví launa þér þínir // þingmæltir dýrtingar // – vestr bifask rengir í röstum – // – reyn oss jöfurr – hnossir* (*Morkinskinna. Bls. 331–332; Finnur Jónsson. Den norsk-islandske Skjaldedigtning. B. I. Bls. 404).*

¹⁴ *Auð hefk minn — þanns mönnum // margteitum réðk veita — <...> illa folginn* (*Morkinskinna. Bls. 331–332; Finnur Jónsson. Den norsk-islandske Skjaldedigtning. B. I:B. Bls. 402).* Ср. также гл. 41 «Саги об оркнейцах» (*Orkneyinga saga / Finnbogi*

По всей вероятности, в Скандинавии характеристики правителей, построенные на антитезе и варьирующие при этом тему щедрости, существовали и значительно ранее X в. Об этом свидетельствуют, например, прозвища древних конунгов, такое, в частности, как Хальвдан Щедрый [на Золото], Скупой на Еду (*hinn mildi ok matarilli*), где функция антитезы не является чисто риторической. Во многих средневековых сочинениях, прежде всего, в «Круге Земном» (XIII в.) и в «Книге с Плоского острова» (начало XIV в.), непосредственно за упоминанием такого прозвища конунга Хальвдана следует своеобразный комментарий, где оно разъясняется так: «...рассказывают, что его люди получали столько золотых монет, сколько у других конунгов люди получают серебряных, но жили впроголодь. Он был очень воинственен, часто ходил в викингские походы и добывал богатство»¹⁵.

Позднее упрек в скупости на угощение вкупе с щедростью на все прочее и, в частности, на золото считается своего рода родовым пороком норвежских конунгов-Инглингов. Так, когда один из потомков Хальвдана Щедрого [на Золото] и Скупого на Еду — конунг Хакон Добрый, первый христианин на норвежском престоле — призывал в X в. своих подданных-язычников поститься и не трудиться по воскресеньям, те не соглашались: «Но как только конунг возвестил это народу, сразу же поднялся громкий ропот. Бонды роптали на то, что конунг хочет отнять у них их работы и говорили, что тогда им нельзя хозяйствовать на земле. А батраки и рабы говорили, что, если они не будут есть, они не смогут работать. Есть такой изъян — говорили они — у Хакона конунга и его отца (конунга Харальда Прекрасноволосого. — *А.Л., Ф.У.*) и всей его родни, что они *скупы на еду, хотя и щедры на золото* (*þeir váru illir af mat, svá þótt þeir væri mildir af gulli*)»¹⁶. Разумеется, такая скупость могла быть извинительна для конунга только при безусловной его щедрости в раздаче даров.

Guðmundsson gaf út. Reykjavík, 1965 (ÍF. B. 34). Bls. 99–100), где эти же стихи (с незначительными различиями) помещены в несколько иной контекст, нежели в приведенном нами примере из «Гнилой кожи».

¹⁵ ...svá er sagt, at hann gaf þar í mála mönnum sínum jammarga gullpenninga, sem aðrir konungar silfrpenninga, en hann sveltí menn at mat. Hann var hermaðr mikill ok var löngum í vikingu ok fekk sér fjár (Heimskringla. B. I. Bls. 80; Codex Frisianus: En Samling af norske Konge-Sagaer / Udg. af C.R. Unger. Kristiania, 1871. Bls. 31; *Сноппи Стурлусон*. Круг Земной. С. 36).

¹⁶ См.: Heimskringla. B. I. Bls. 189; *Сноппи Стурлусон*. Круг Земной. С. 75.

Можно, конечно, возразить, что во всякой традиции правителя хвалят за щедрость. Почему же мы решаемся говорить о том, что русские наследуют в этом варягам? Здесь стоит упомянуть, во-первых, необычайную разработанность темы щедрости правителя к воинам, щедрости на золото и угощение в собственно скандинавской традиции и, во-вторых, то обстоятельство, что русские наследуют не только топос, некое общее место, но и способы вербального оформления и, что, пожалуй, наиболее значимо, — саму структуру панегирической антитезы. На этом фоне нет необходимости лишний раз напоминать о том, что первые русские князья Рюриковичи по происхождению своему варяги, а по роду деятельности — предводители войска, дружины.

У скандинавов же эта панегирическая антитеза настолько проросла в скальдическую поэзию, что ее элементы могут даже застыть в виде кеннингов вождя, правителя как «ненавистника золота», «уничтожителя богатства», «разламывателя золотых колец», «растратчика сокровищ и драгоценностей». При этом скандинавские вожди, как, впрочем, и русские князья, отнюдь не были бессеребренниками, и этого от них никто и не требовал. Успешно добывать и пренебрежительно раздавать — вот доминанты образа идеального правителя.

Соответствующая панегирическая антитеза, разумеется, есть не только у скальдов. Переметнувшись из скальдической поэзии в эддическую, можно выделить, например, характеристику Сигурда Драконобойцы «щедрый на золото, скупой на бегство»¹⁷. С ним перекликается поэтическое описание легендарного конунга Гаутрека Щедрого: «Битва возрастала. Князь едва берег лёд тигля [= золото]. Вождь заставлял гнутый янтарь уст [= золотые кольца] лететь прямо в войско; усмиритель мужей [= конунг], несклонный к бегству, охотно метал (сигнальный) огонь наковальни [= золото]; древо копия [= муж] был добр к людям, но зол к злату»¹⁸.

---

¹⁷ «Будешь велик, как никто под солнцем, // станешь превыше // конунгов прочих, // щедр на золото, // скуп на бегство, // обличьем прекрасен // и мудр в речах» (Þú munt maðr vera // mætstr und sólo // ok hæstr borinn // hveriom iöfri, // giöfull af gulli, // en glöggr flugar, // ítr álitu ok í orðom spakr). См.: Griðisspá // Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. Heidelberg, 1936. Bd. 1. Text. S. 161; Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А.И. Корсуна, ред., вступ. ст. и коммент. М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1963 (репр.: СПб., 2005). С. 94.

¹⁸ Morð óx, mildingr sparði, // mjök, litt diguljökla, // lét ósa röf ræsir // rétt bjúg á her fljúga; // fira sættir rak flóta // fúss trauðr vita lauðar, þollr var geirs, en golli, // góðr, illr, kyni þjóðar (Finnur Jónsson. Den norsk-islandske Skjaldedigtning. B. I:B. Bls. 500–501. № 28a, 28b).

Характерно при этом, что термин, обозначающий *немилость к золоту (illr)* в этом стихе — тот же, что и в составе антитетического прозвища древнего конунга Хальвдана, той его части, где сообщается о его *скупости на еду (matarilli)*. Сопоставление двух этих примеров позволяет увидеть замечательную амбивалентность элемента *illr*, его способность приобретать в поэтической строке прямо противоположные значения: *злой к золоту = щедрый в раздаче золота, злой на еду = скупой в раздаче еды*.

По-видимому, двухкомпонентная антитеза, использующая эпитеты *злой, добрый*, с определенного времени становится чем-то вроде своеобразной матрицы для порождения хвалебных формул различного содержания. Так, в соответствии с ней строится целый ряд вариантов микротекста, весьма популярного в Скандинавии в христианскую эпоху: ср., например: *góðr vínur sínum en grímmr óvínur* — «добрый к своим друзьям, но жестокий к недругам», *mjúklyndr góðum, harðr illum* — «мягкий с хорошими, суровый с плохими». Источником для данной формулы, скорее всего, послужило инокультурное заимствование, однако ее конкретное воплощение целиком и полностью определялось автохтонной традицией оформления похвальных речений. Замечательно, что на Руси эта формула также была хорошо известна, хотя пришла сюда, по всей видимости, не от скандинавов. В качестве примера ее употребления на Руси можно указать ктиторскую надпись в новгородской церкви Спаса на Нередице, где в похвале князю (со всей очевидностью — Ярославу Владимировичу, внуку Мстислава Великого) говорится, в частности: «злыя обличая, добрыя любя»¹⁹. Вероятно, своеобразным отражением этой характеристики служит летописная реплика, согласно которой, когда тот же Ярослав Владимирович был изгнан из Новгорода, в городе «жаляху по немь добрии, а злии радовахуся»²⁰.

Вернемся, однако, к нашим формулам щедрости. Упоминание антитетической конструкции с добрыми и злыми для нас важно как некий оттеняющий материал, показывающий, что далеко не всякая формула, которая наблюдается и у скандинавов, и у русских непременно заимствуется русскими от скандинавов. До сих пор мы говорили о том, как антитеза щедрости функционировала в скандинавских поэтических текстах и в прозвищах. Это очень важно с

---

¹⁹ См.: Пивоварова Н.В. Ктиторская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1991. Т. 23. С. 144.

²⁰ См.: ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 43 под 1196 г.

точки зрения аутентичности ее в культуре Северной Европы, ведь здесь с письменными памятниками существует проблема, отчасти сходная с той, что была и на Руси: прозаические тексты саг могут описывать события сколь угодно ранние, VIII, IX, X вв., но при этом на пергамент они заносятся только во второй половине XI–XIII столетия. Что же касается скальдических стихов, то мы можем с достаточной уверенностью положиться на их древность и не сомневаться в том, что строки скальда, жившего в X в., дошли до нас в том самом виде, в каком они были сложены.

Тем не менее, функционирование наших панегириков в сагах, коль скоро мы убедились в архаичности этих формул, также весьма значимо для скандинаво-русских контактов. Уже на скандинавской почве наши двучленные конструкции обладали способностью разворачиваться в целый рассказ. Так, в «Саге об Олаве Святом», например, Тормод Скальд Черных Бровей успевает перед смертью похвалить погибшего конунга за щедрость и на золото, и на еду. Он отдает лекарке золотое обручье, гордясь его ценностью и говоря, что его отдал ему конунг, и делает следующее: «После этого Тормод взял клещи и вытянул из раны наконечник стрелы. На его крючьях зацепились волокна сердца, одни красные, другие белые. Увидев их, Тормод сказал: — Хорошо кормил нас конунг! Жир у меня даже в сердце. Тут он упал навзничь мертвый. Здесь кончается рассказ о Тормоде»²¹.

В этой связи уместно вспомнить краткую формулу похвалы русскому князю Мстиславу Тмутараканскому, современнику Олава Святого — «любаше дружину по велику а имѣния не щадаше ни питья ни гдениа не бранаше» (см. выше). С другой стороны, в этот ряд замечательно встраивается немалое число рунических надписей на камнях в самой Скандинавии. Так, XI в. принадлежит надпись, где говорится о некоем Домаре, погибшем на Руси, в которой он назван «милостивым на слова и щедрым на угощение» (**miltan urfa uk mataR kuþan**)²². Вместо золота, имени здесь фигурируют

---

²¹ См.: Heimskringla. В. II. Bls. 503–504; *Snorri Sturluson*. Круг Земной. С. 367; ср.: *Saga Óláfs konungs hins helga. Den store saga om Olav den Hellige. Efter pergamenthåndskrift i kungliga biblioteket i Stockholm nr. 2* 4to med varianter fra andre håndskrifter / Udg. ved O.A. Johnsen og Jón Helgason. Oslo, 1941. В. 1–2. В. 1. С. 586.

²² См. о надписях, где также присутствует выражение *mataR godr* «щедрый на угощение»: *Jansson S.B.F. Runinskrifter i Sverige*. Stockholm, 1984. С. 131ff.; *Wulf F. Goðr in Runeninschriften Götalands // Altnordistik: Vielfalt und Einheit. Erinnerungsband für Walter Bätke (1884–1978) / Hrsg. von E. Walter, H. Mittelstädt*. Weimar, 1989. С. 111; *Gustavson H., Snædal Th., Ahlén M. Runfyn 1989 och 1990*. С. 165–166.

слова, речи, однако «любезность в речах» описывается с помощью той же многозначной лексемы *mildr*, что и «щедрость на золото».

Данный текст важен для нас сразу по нескольким причинам. Во-первых, рунические надписи высекались, так сказать, по свежим следам, относительно скоро после кончины названного в них человека. В то же время он отчасти позволяет проследить механизм проникновения подобного рода речений на Русь, куда они некогда попадали вместе с предводителями варяжских дружин и прославляющим их окружением. Модель поведения такого рода людей на Руси и в X, и в XI в., по-видимому, вполне сводилась к такому, например, руническому панегирику: «...братья были там из лучших людей на земле и в воинском походе, *держали своих дружинников хорошо*. Он (вероятно, один из братьев. — *А.Л., Ф.У.*) пал в битве на востоке в Гардах (т.е. на Руси. — *А.Л., Ф.У.*), вождь войска (**lis furugi** = li[ð]sforungi), лучший из соотечественников»²³.

При этом у скандинавов гораздо больше примеров, когда на основе интересующей нас формулы выстраивается целый сюжет, когда она, подобно истории скальда Тормода, разрастается в целый нарратив. Среди прочих рассказов на эту тему для нас особенно интересен специфический род саговых историй, описывающих поведение скандинавских вождей на чужбине. Так, согласно рассказу из кодекса «Гнилая кожа», норвежский конунг Сигурд Крестоносец, к слову сказать, женатый на русской княжне Мальмфрид Мстиславне, подойдя к стенам Константинополя, подвергся своеобразному испытанию дарами. Византийский император Кирьялак (Алексей Комнин) отправляет к Сигурду послов, которые принесли большие мешки с золотом и серебром, говоря, что кесарь посылает ему дары. Однако Сигурд едва взглянул на дары и велел разделить их между своими людьми.

Послы вернулись и рассказали об этом императору, который решает, что этот правитель, должно быть, невероятно могущественен и богат (*ricr oc auþigr*), раз он не обратил внимания на богатства и не выразил слова одобрения. Тогда император Кирьялак велел послам доставить еще больше золота и серебра Сигурду. На это Сигурд сказал, что это действительно огромное количества добра и снова приказал разделить его между своими людьми.

---

²³ См.: Sveriges runinskrifter. В. I. ff. Stockholm, 1900. В. III. S. 323–330. № 338. Подробнее об этой надписи из церкви в Türinge (Сёдерманланд) см.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. С. 312. № 5.23.

Послы вновь вернулись и рассказали все императору. Тот сказал, что есть два возможных объяснения поведению Сигурда: либо он гораздо богаче и могущественнее остальных конунгов, либо он не обладает мудростью, подобающей правителю. И император вновь, в третий раз, отправил послов с огромным количеством сокровищ и собственноручно положил сверху два золотых кольца. Сигурд встретил послов с дарами, взял золотые кольца и надел их на руки. Затем он произнес речь по-гречески и поблагодарил кесаря за его великодушие. Он принял сокровища и учтиво распределил богатства между своими людьми, чем заслужил огромное уважение императора²⁴.

Этот эпизод не может не напоминать нам знаменитый летописный рассказ о том, как князь Святослав Игоревич, внук Рюрика, подступил с войском под стены византийской столицы. Два эти текста настолько близки, что иногда рассказ о Сигурде мог бы послужить проясняющим переводом к рассказу о Святославе. Действительно, завидя войско русского князя, приближенные византийского императора уговорили испытать «любъзнивъ ли естъ злату» русский князь. К Святославу прибывают послы с несметными сокровищами. Когда они положили перед ним золото и драгоценные ткани, то, согласно версии Новгородской первой летописи (Комиссионный список), «рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: “возмѣте, кому что будет”»²⁵. Когда же в следующий раз кесарь прислал ему меч и иное оружие, Святослав «приимъ, нача любити и хвалити и цѣловати [яко самого] цесаря. И приидоша опять къ цесарю, и повѣдаша вся бывшая. И рѣша бояре: “лють сѣи мужъ хоцетъ быти, яко имѣнѣя небрежетъ, а оружие емлет и любит”»²⁶.

Как мы видим, в сюжет здесь вплетен один из вариантов интересующей нас формулы — князь не любит золото, раздает его своей дружине, он любит дружину и оружие. Любопытно, как изображается в обоих случаях нарочитое пренебрежение к византийскому золоту. В саге специально оговаривается, что Сигурд даже не взглянул на него (*leit eigi til fjarins*), а Святослав, согласно летописи, распорядился раздать золото «кромѣ зря» (т.е. опять-таки «глядя в сторону, мимо»). Таким образом, главная задача отраженного здесь этикетного канона заключалась в том, чтобы не выказать к дарам даже элементарного любопытства.

---

²⁴ См.: Morkinskinna. Bls. 348–349.

²⁵ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 122.

²⁶ См.: Там же. С. 123.

В известном смысле заключительная часть рассказа о Сигурде может служить комментарием к описанию последней встречи Святослава Игоревича с императорскими послами. В самом деле, когда Святослав соглашается, наконец, принять оружие, его дальнейшее поведение в летописи изображается не вполне прозрачным для современного читателя образом: князь «нача любити и хвалити и цѣловати... цесаря». Это выражение выглядит весьма сходным образом в трех древнейших русских летописях: «примь нача хвалити и любити и цѣлова цѣра»²⁷, «примь нача любити и хвалити и цѣловати цѣра»²⁸. В Академическом и Толстовском списках Новгородской первой летописи сказано «цѣловати [яко самого] царя»²⁹. Судя по всему, это позднейшая вставка, призванная разрешить явные противоречия между отсутствием византийского императора на месте событий и тех действий Святослава, которые описываются в летописи.

К чему — к царю или к оружию — могут относиться глаголы «любити» и «хвалити» в этой фразе и что могло бы означать выражение «целовати царя»? Если сопоставить этот текст с саговым описанием поведения Сигурда Крестоносца, который из всех даров взял себе только два золотых кольца, положенные императором собственноручно, и «затем произнес речь по-гречески и поблагодарил императора прекрасными словами за его великодушие»³⁰, становится ясно, что и в эпизоде со Святославом речь идет о том, что князь выражает любезную и пространную благодарность византийскому императору. По-видимому, в обоих случаях эта учтивая благодарность (резко контрастирующая с первоначальной нарочитой небрежностью) также является частью этикетного поведения, призванного подчеркнуть, что послы императора имеют дело не с варваром, неспособным оценить императорские дары, а с сильным и прозорливым правителем, умеющим предвидеть действие другой стороны на несколько шагов вперед. Условно говоря, он знает, какие загадки ему будут загаданы и как на них следует отвечать.

Сигурд Крестоносец жил, как понятно хотя бы из его прозвища, много позже некрещеного Святослава Игоревича, однако это не имеет принципиального значения для определения вектора заим-

---

²⁷ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 71.

²⁸ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 59.

²⁹ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 123.

³⁰ См.: Morkinskinna. Bls. 349.

ствования нашего нарратива. В скандинавской традиции рассказов подобного рода куда больше, чем в русской: очень близкие истории об испытании дарами рассказывались, например, и о шведском конунге Анунде-Якобе, жившем в середине XI в. Согласно «Легендарной саге об Олаве Святом», Кнут Могучий, правитель Дании и Англии, подослал к Анунду-Якобу людей с богатыми подарками, дабы тот изменил Олаву Святому и отступился от союза с ним. Послы троекратно испытывают шведского конунга, предлагая то золотые подсвечники, то драгоценный кубок, то кольца. Однако Анунд-Якоб не принял даров, хотя и не скрывал своего восхищения ими. В частности, отказываясь от последнего дара, золотых колец, конунг сказал: «Прозорлив конунг Кнут и знает он, что я охоч до богатства и мало разбираюсь в куртуазном [поведении]»³¹. Однако дары были отвергнуты, а союз с норвежским королем Олавом сохранен вопреки посулам конунга Дании Кнута. Любопытно вложенное в уста шведского конунга упоминание «куртуазного», т.е. в данном случае — этикетного поведения. Он, почти кокетничая, обыгрывает свое невежество относительно принятых правил обращения с дарами.

Кроме того, совершенно очевидно, что здесь обыгрываются элементы скандинавского формульного фонда, используются клишированные выражения (такие как *fegiærn* — «охочий до богатства», например). Сюжетный ход с демонстрацией пренебрежения к подарку преломляется здесь в несколько ином ключе: конунг позволяет себе выказать интерес и пристрастие к ценным и красивым вещам, прежде чем их отвергнуть. Однако этот неожиданный ход на самом деле является вполне стандартным приемом и для поэтической, и для прозаической скандинавской традиции. У скальдов перифразой для проявления щедрости может служить выражение «конунг расстаётся со своей скупостью», хотя прежде о его скупости не было речи, а в саге может рассказываться о том, что всего один раз при дележе военной добычи правитель взял себе несколько золотых колец, и это был единственный случай, когда его люди увидели, что он охоч до богатства³².

Безграничная щедрость и полное пренебрежение драгоценными дарами — это та абсолютная добродетель, которую государь должен

---

³¹ См.: Olafs saga hins helga / Utg. ved O.A. Johnsen. Kristiania, 1922. Kap. 60. Bls. 60.

³² «...og þath eitt sinn sa menn fegirne hans» (Morkinskinna. Bls. 46).

проявлять прежде всего вдали от дома. На родине выказанная им человеческая слабость не роняет его достоинства, а лишь придает дополнительный интерес повествованию, коль скоро предпринятые им в конце концов действия соответствуют этикетному эталону. Различные варианты игры с этим эталоном представлены также в рассказах о приезде конунга Дании, Эйрика Доброго, в Константинополь или в истории прибытия уже известного нам Сигурда Крестоносца на этот раз уже не в Константинополь, а в Иерусалим.

Весьма вероятно, что истории подобного рода бытовали на скандинавской почве и раньше. Вполне возможно, что они фигурировали уже в X в. и, стало быть, в принципе могли попасть на Русь вслед за нашими панегирическими формулами щедрости. Если мы вспомним, что, согласно «Бертинским анналам», первым, кому пришлось столкнуться с норманнской проблемой и разбираться вместе с императором Людовиком, имеют ли право свеоны, т.е. шведы, быть посланниками хакана народа Рос, был византийский император Феофил, живший в первой половине IX в., то становится очевидным, что по крайней мере внешние предпосылки для такого заимствования существовали достаточно рано. С точки зрения хронологии, здесь нет ничего невозможного. Проблема состоит, скорее, в другом.

Нам столь интересны формулы в первую очередь потому, что они являются, на наш взгляд, своеобразной минимальной единицей межкультурного заимствования, более или менее надежным показателем взаимодействия, разумеется, если удастся выявить ее истоки и обнаружить пути, по которым она движется. Что же касается повествования, сколь угодно краткого, то оно, как правило, не может ограничиваться использованием одного единственного клише. Когда мы говорим, что наша формула разворачивается в целый рассказ, в этом есть изрядная доля условности, потому что зачастую такая формула оказывается лишь одним из сюжетобразующих элементов. Другие же нарративные блоки могут оказаться, к примеру, заимствованными из совсем иной культурной традиции, или являть собой вполне устойчивое литературное клише, выработанное здесь на месте, так сказать, в лаборатории автохтонной литературной «школы». В особенно трудном положении мы оказываемся, когда речь идет о длительном взаимодействии и взаимопроникновении как минимум трех культур. Сюжет о Святославе Игоревиче, например, связан не только со Скандинавией, но это уже тема для отдельного исследования.

Возвращаясь к судьбе панегирических формул, легших в основу данного сюжета, подчеркнем, что достаточно рано в русском летописании употребление интересующего нас круга речений успело обрести собственной традицией: князья могли характеризоваться таким образом потому, что так уже были охарактеризованы их предки, правившие на этой земле — они использовались, например, как инструмент сопоставления тѣзок³³. Едва ли при этом всякий раз вспоминали о скандинавском происхождении этого речения. Скорее, вопрос нужно ставить по-другому — вспоминали о нем на Руси хоть когда-нибудь?

Иными словами, перед нами заимствование, полностью освоенное и, по всей видимости, очень рано утратившее какие бы то ни было признаки чужеродности. Вместе с тем, как это нередко бывает, сфера функционирования этого заимствования в культуре-акцепторе оказалось несколько уже, нежели в культуре-доноре. В самом деле, соответствующие панегирические речения на Руси не применялись в летописных памятниках к кому-либо, кроме князей Рюриковичей, тогда как в Скандинавии они могли использоваться для восхваления не только представителей правящего дома, но и других знатных людей, военачальников, предводителей военных экспедиций.

В то же время, и для самих Рюриковичей описание щедрости князя к дружине не превратилось в, так сказать, конституирующую характеристику члена правящего рода, в летописи оно в значительной степени ассоциируется с ранней историей русских князей, а применительно к правителям, жившим после XI столетия, используется лишь спорадически. В самом деле, в раннем русском летописании интересующая нас характеристика с легкостью сочетается с похвалами христианским добродетелям князя. Позднее же эти похвалы милосердию, щедрости к клиру, к нищим, церковному строительству в значительной степени ее вытесняют. Она не уходит полностью: так, в XV в. инок Фома включает в похвальное слово тверскому князю Борису Александровичу рассказ о том, как Борис отверг дорогие дары короля Казимира, приняв только меч, так как «храбр этот князь, ничем не дорожит, а меч любит»³⁴.

Все же в целом можно сказать, что кульминацией бытования нашей характеристики на Руси явилось предисловие к Новгород-

---

³³ См.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени. С. 433–447.

³⁴ См.: Инока Фомы слово похвальное о благоверном, великом князе Борисе Александровиче / Сообщение Н.П. Лихачева. СПб., 1908 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLXVIII). С. XLVIII.

ской первой летописи, и уже как бы в рамках самого предисловия начинается «закат» этой прежде столь популярной формулы: «тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ вирь, ни продажъ въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и бьющесея и ркуще: “братие, потягнемъ по своему князѣ и по Руской землѣ”; не глаголюще: “мало есть намъ, княже, двусотъ гривень”. Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожяху жены ихъ в сребряныхъ; и расплодили были землю Рускую»³⁵. Здесь летописец как бы собирает все ее реминисценции по тексту летописи, но при этом расставляет акценты таким образом, что добродетелью князей становится умеренность в поборах, а дружинников — умеренность в своих запросах. В Скандинавии же эта панегирическая традиция разгула щедрости к воинам равно актуальна как в X, так и в XIII — начале XIV в.

Как уже говорилось, относительно беднее и русский фонд повествовательных сюжетов, построенных на развертывании интересующих нас формул. Кроме того, на Руси эта формула, несмотря на ее регулярный и, так сказать, наследственный характер, все-таки не сочеталась с именованями князей настолько устойчиво, чтобы прирастать к ним в качестве прозвища, как это происходило у скандинавских конунгов уже в IX–X вв. Надо отметить, что на русской почве мы вовсе не находим развернутых прозвищ князя, состоящих из целого характеризующего речения, таких, например, как *Щедрый*, *Скупой на Еду*. Иначе говоря, здесь отсутствует наиболее архаический слой бытования таких речений, когда поэтические высказывания — панегирик и прозвание — существовали в качестве варьирующегося синкретического единства. На Руси воспринимаются уже сложившиеся модели хвалебных формул, до определенной степени усваиваются способы их дальнейшего варьирования и развертывания. Однако сама риторико-поэтическая стихия, эти формулы генерирующая, каковой на скандинавской почве являлась, в первую очередь, поэзия скальдов, остается за пределами древнерусской культуры. Устойчивые панегирические речения оказываются, таким образом, важным свидетельством тесного взаимодействия двух традиций с отнюдь не тождественным устройством соотношения поэтической и прозаической составляющих.

---

³⁵ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 104.